

ПОХОРОНЫ В КАЛАГЛИИ ИЛИ ЭПИЗОДЫ ОБРЯДА, КОТОРЫЕ ШОКИРУЮТ НЕПОДГОТОВЛЕННЫЕ УРБАНИЗИРОВАННЫЕ УМЫ

Три года тому назад, восьмого марта, в селе Калаглия Овидиопольского района состоялись похороны моей двоюродной бабушки – последней из пяти сестер мамы моей мамы. Восьмидесятивосьмилетняя тетя Саня умерла в собственном доме в окружении многочисленных детей, внуков, правнуков, племянников.

После получения мамой этой скорбной вести, за день до указанной выше даты, чрезвычайное собрание домашнего совета постановило: во-первых, бабушку поставить в известность постфактум; во-вторых, на похороны заслать двух представителей семейства – маму и брата. Бабушку оставили под моим бдительным и мудрым присмотром.

Далее повествую с возмущенных слов моих родных.

Я позволю себе упустить целый ряд подробностей, последовавших после приезда мамы и брата в Калаглию, и перейду непосредственно к сути данного повествования. Итак, к немалому удивлению оказалось, что на родине усопшей почивших мужчин, презирая автотранспорт, несут мужчины, а женщин, собственно, – женщины. Причем родственники. Родственниками тети Сани оказались семидесятилетние старухи, а кладбище располагалось в пяти километрах от ее дома. Общую безрадостную картину гармонично дополнял снегопад.

Восемь несчастных женщин тащили установленный на могучих „козлах” гроб с тучной тетей Саней, еле отрывая его от земли и поминутно останавливаясь. Им на глазах становилось все хуже, что, однако, не вызывало никаких эмоций у односельчан.

Тогда не выдержал мой брат. Ему стало очевидно, что скоро все, кто несут гроб, лягут рядом. Он остановил процессию, внятно объяснил, что он думает о местных традициях, и несколькими точными пинками мобилизовал пятерых мужчин из числа мужей внуков и племянниц покойной бабушки. Мужики под его руководством взяли гроб и оперативно понесли его к месту будущего захоронения. Старухи были спасены.

Однако моих родственников подстерегала еще одна неожиданность – на кладбище, после того как все простились с покойной, крышка была заколочена, и... все развернулись и ушли. Некоторые, уходя, объяснили моим остолбеневшим родным, что у них так заведено – покойника занести на кладбище, проститься и айда на поминки. На вопрос, где собственно могильщики, калаглийцы только пожимали плечами, где-то, мол, есть четверо специальных стариков.

Оставшиеся на кладбище вдвоем, мама с братом вскоре обнаружили могильщиков, которые действительно оказались стариками. Как, собственно, в наступающих сумерках, в мороз и снегопад, четверо коченеющих пенсионеров должны закапывать могилу с учетом того, что земля из вырытой ямы находилась почему-то в десяти метрах от нее? Не найдя ответа на этот вопрос, мой брат вновь проявил свой лидерский талант и возглавил эту инвалидную команду.

Когда через два часа мои измотанные родственники, наконец, пришли на поминки, оказалось, что все уже расходятся. Более того, оказалось, что все репительны недовольны действиями моего брата, который своенравно нарушил обряд похорон.

Так, мне кажется, каждый получил свое. Жители Калаглии – представления о безнравственности и безбожии городского населения, мой брат узнал, сколько времени занимает закапывание могил, а моя мама заполучила восхитительный бронхит.

В очередной раз столкновение городской и традиционной культуры показало глубину бездны, которая их разделяет.